

чества в целом, в основе которого лежит тезис И. Бродского о детерминации творческой воли поэта сознанием самого языка, его «центробежной» и «центростремительной» силой. Автора, героя и читателя поэмы связывает единый «творческий хронотоп», в котором объектом эстетического исследования является принципиально незавершимый, открытый процесс речевого смыслотворчества.

Литература

1. Бродский И.А. Поэзия – лучшая школа неуверенности: Интервью // БКИ. 1980.
2. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 2. – М., 2004.
3. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.Ю., Бройтман С.Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: в 2 т. Т. 1. – М., 2004.
4. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Вып. 567. Т. XIV. – Тарту, 1981.
5. Хализев В.Е. Драма как явление искусства. – М., 1978.
6. Бродский И.А. Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. Т. 1. – Минск, 1992.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
8. Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). – М.: Лабиринт, РГГУ, 2001.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996.

А.Г. Бондарев

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Иркутского государственного университета
г. Иркутск

Миф Чехова в поэзии Тимура Кибирова

В произведениях Т. Кибирова автор обнаруживает миф Чехова как сознательное использование штампов массового сознания. Мифологизированные образы русского писателя выступают источником идей для современного поэта.

A.G. Bondarev

Chehov's myth in the Timur Kibirov's poems

The author reveals myth of Chekhov in the works by T. Kibirov as a deliberate usage of mass consciousness stereotypes. Mythologized images of the Russian writer perform as an inspiration for the modern poet.

Формирование чеховского мифа началось еще при жизни автора. Чем дальше от нас эпоха Чехова, тем меньше граница между мифом и реальностью.

Восприятие текстов читателем массовым всегда являлось причиной искажения смысла и появления «приписанных» стереотипов. Окаменение и «заштампованность» текста (неизбежный налет времени) только способствуют порождению мифологем, связанных с творчеством того или иного писателя. Поэзия, как самый массовый род литературы, является в данном случае главным источником мифопорождения. В лирике выражают восторг, лирика благодатно вбирает в себя все знаковые образы. Глубокое понимание текста не входит зачастую в задачу поэта, а вот обозначить свое отношение или воспользоваться клише – это и есть особенность массовой поэзии и причина мифологизации творчества и жизни великих писателей.

После смерти Чехова вышел сборник стихотворений, который можно считать отправной точкой в формировании мифа Чехова поэтами разного уровня. Л.Е. Бушканец, исследуя особенности восприятия творчества Чехова этими поэтами, приходит к следующим выводам: «Стихотворения о Чехове – не просто любопытный факт истории литературы, но важный фактор в формировании "чеховского мифа". Они демонстрируют особенно наглядно те моменты "совпадения" писателя со своим временем, с массовым читателем, раскрывают механизм формирования литературной репутации, а также помогают понять искажения, которые происходят в читательском восприятии, искажения, оказывающие влияние на интерпретации Чехова вплоть до нашего времени» (1, с.124). Однако следует отметить, что если поэт отличается талантом, то мифологизация становится осознанной, автор понимает, что использует штамп сознания, а не текст Чехова.

Поэзия Тимура Кибирова, как и любой постмодернистский текст, соткана из цитат. Литературный контекст не ограничивается русской литературой, но в творчестве этого поэта можно выделить определенные «цитатные» пристрастия, основываясь на элементарной частотности. Это сделать не трудно, так как Кибиров в порядке постмодернистского издевательства приводит даже «Список использованной литературы» в конце одного из поэтических сборников.

Это не удивительно, так как судьба России и русской литературы – одна из самых распространенных тем в творчестве этого поэта. Русские классики зачастую преподносятся списком, с учетом или без учета хронологии. Их произведения могут представлять иллюстрационный материал к учебнику по истории. Чеховский текст в этом списке занимает не последнее место. Но говорить о прямом диалоге двух авторов, о заимствовании и переосмыслении идей или о других классических формах литературного взаимодействия мы не можем. Кибиров, как постмодернистский автор, использует концепты массового сознания, элементы культурного мифа, частью которого является Чехов.

Заявленная Кибировым тема истории России неизбежно сталкивает автора с чеховским «Вишневым садом». Стихотворение «История села Перхурова» (как становится ясно из этого произведения, хронотоп необходимо расширить до размеров родного государства) представляет собой, по словам автора, «компиляцию». Стихотворение начинается с гоголевской птицы-тройки и поисков вишневого сада.

Вокруг земля – на сотни верст,
На сотни долгих лет
Картошкой покрыта вся.
Чего ты? Дай ответ!

Молчит, ответа не дает
Прибитый глинозем.
Проселочный привычный путь
До боли не знаком.

Так был здесь соловьиный сад
Или вишневый сад?
Вон бабка растет в земле,
Здравши к небу зад (2, с.315).

Затем слог сбивается на «державинский», на слог автора «Слова о полку Игореве», на былинный слог, где, собственно, изложена вся история села Перхурова. И автор вновь возвращается к вишневому саду, а точнее – к чеховской драме вообще.

Все та же декорация, но нет
Ни занавесей, ни картин на стенах.
Смеркается. Не зажигают свет.
И странные клубящиеся тени
Усугубляют чувство пустоты,
Тоски и безотчетного смятения (2, с.384).

Кибиров сделал все, чтобы мы узнали эти декорации: остатки мебели, рояль, «старый сад за окнами темнеет оголенный», «купец застыл», «старый лакей», «бывшая хозяйка с братом», «студент», «приемная дочь» (для постмодернистской неоднозначности можно смешать декорации – украсить картину криками чайки). А далее стук топора, сумасшедшая смесь культурных знаков, блоковская поэма «Двенадцать» и пробуждение лирического героя. История России окончена. Чеховский текст в стихотворении представляет собой узнаваемую систему литературных аллюзий, с помощью которой автор рисует хаос и абсурд сознания современного человека. Образы теряют изначальную смысловую насыщенность, становятся декорациями для нового действия. Такие понятия, как «любил», «ценил», «спорил», не уместны. Кибиров эти знаки «использовал», потому что «ими думал». Чеховский текст в творчестве поэта превращается в миф, а образы несут номинативную функцию, сужаются до уровня слова, фразеологизма, что свойственно постмодернизму вообще.

С другой стороны, у Кибирова, как у «социально активного» поэта, образ сада обладает вполне конкретной семантикой – проданный сад как проданная Россия:

Деда, дедушка родной
Лысенький, усатый...
Разве Ленин это? Стой!
У калитки сада

Это ж дедушка Борис,
Настоящий деда!
Ну взгляни же, ну проснись!
И сомнений нету!

Это сад наш, это сад,
Проданный кому-то!
Дедушка – покойник рад
В солнечное утро... (2, с.748)

Вишневый сад не единственная составляющая чеховского мифа. Кибиров использует и другие «окаменелые» образы. Например, образ Каштанки. Только с чеховской «Каштанкой» она имеет мало общего. Создается впечатление, что для Кибирова это просто образ собаки, собаки вообще, без смысловой нагрузки чеховского текста, т.е. не более чем номинация. Поэтому она может соседствовать с Му-му или Моськой со слонем, или появиться после фразы «не твое собачье дело». Однако в одном из самых известных стихотворений Кибирова «Послание Л. Рубинштейну» в поэтическом списке образов русской классики Чехов был представлен именно «смешной Каштанкой» (2, с.808). В качестве эпиграфа использован отрывок из «Студента» Чехова. Этот эпиграф прежде всего выделяется своей серьезностью, потому что в традиции Кибирова использовать отрывки про «нужник для Державина» или про «доброе Ленина». Пасхальная история, изложенная Чеховым, повторяется у Кибирова. Стихотворение начинается с рассуждений об энтропии:

Лева милый! Энтропия!
Энтропия, друг ты мой!
Только мы стоим босые
С непокрытой головой (2, с. 820).

Автор говорит о судьбе России, русской литературы, о современной социальной и культурной среде, через посредство чеховского рассказа обращается к Библии с полусерьезным, полуиздевательским пафосом:

Энтропии злые бесы
Убегают паутек!
Он воистину воскрес!
Поцелуемся, дружок! (2, с. 820)

И дальше:

Мы комочки злого праха,
Но душа – теплым-тепла!
Пасха, Лев Семеныч, Пасха!
Лева, расправляй крыла!

Пасха, Пасха, Лев Семеныч!
Светлой новости внимли!
Левушка тверди канону
Клейкой зелени земли

В Царстве Божиим, о Лева,
В Царствии Грядущем том,
Лева, нехристь бестолковый,
Спорим, все мы оживем (2, с.821).

Бесспорно, в этом произведении Чехов привлекается лишь тематически или, если можно так сказать, хронотопно: Писание, Пасха и т.д. Но идея всеобщей причастности к событиям, описанным в Библии, близка Кибирову и представляет собой слепую веру в «исполнении Писаний». И чтобы сбить высокий пафос финала, несвойственный постмодернизму, поэт добавляет: «А кто слушал – молодец».

В произведениях Кибирова мы можем обнаружить множество чеховских рецептов («Фирс позабытый скулит»), что является доказательством сформировавшегося и активно использующегося чеховского мифа в творчестве Кибирова.

Необходимо заметить, что Чехов для Кибирова не только текст мертвый, словарь цитат и аллюзий, но и источник многих идей поэта. Внимание к быту, формирование усадебного рая – все это сближает двух авторов. Только если Чехов «боролся» со скукой жизни и духовным бездействием («Крыжовник», «Ионыч»), то лирический герой Кибирова, живущий в суете современности, историческая память которого пережила не одну революцию, представляет себе чеховское духовное и телесное умиротворение как предел мечтаний. Крыжовник Чехова наполняется не духовной омертвелостью, а мечтами о возрождении вишневого сада

А потом пойдут – крыжовник,
Яблоки зеленые,
И оскому я набью
Черною смородиной.

Всей семьей придем мы в сад
К домику фанерному
И, шампурами звеня,
Сядем под черешней (2, с.749).

Это тот самый проданный сад «дедушками Лениным и Борисом», возрожденный или воскресший:

Сон не сон и жизнь не жизнь
Просто пробуждение (2, с.750).

Согласно идее Кибирова, после литературной и исторической продажи сада наступил продолжительный сон, а вернуть его (сад) – общая задача. Вернуть не столько проданную культуру, как у Чехова, а вернуть тихий, спокойный мещанский рай.

Леночка, будем мещанами! Я понимаю, что трудно,
Что невозможно практически это,
Но надо стараться (2, с.145).

Так что же у Кибирова: пафос или ирония? Нам кажется, что сводить творчество Кибирова к тотальной иронии нельзя. Безусловно, воспроизведение шаблонов является попыткой сбить пафос призывного декламирования. Но Кибиров не боится громких слов, его кавычки «мерцают». Мифологический для современности вишневый сад становится «реальным», это уже не символ погибшей культуры, а сама культура, искренняя боль от ее гибели. За издевательскими формулами кибировского текста кроется реальная «серьезность» чеховской классики.

Об этой особенности творчества Кибирова говорит М.Н. Эпштейн: «Снятие кавычек, преодоление иронии вносит в текст еще большую напряженность, чем постановка кавычек. Нам, может быть, и нет дела до сказанного ранее, но слову есть дело, оно корчится от страха впасть в банальность – и в конце концов преодолевает страх, а вместе с ним и саму банальность. Движение от бескавычно-безмятежного слова к закавыченно-ироническому и далее к раскавыченно-дерзко-сентиментальному есть одно растущее смысловое напряжение слова, которое то обрастает кавычками, то сбрасывает их» (3, с.447).

Слова о спасении души после Достоевского, слово «Русь» после Гоголя, слова о культуре и мещанстве после Чехова – это прежде всего страх самих слов перед банальностью. Но у Кибирова их «повторение» – это ирония не столько над словами, сколько над вечностью и незаменимостью этих слов. Цитатность чеховского мифа слишком очевидна, чтобы остаться мифом, она наполняется лиризмом. Таким лиризмом, где не только усадебный рай вишневого сада, но и жизнь ради кустов кислого крыжовника становятся утопией, наполненной обаянием детства и безмятежности.

Литература

1. Бушканец Л.Е. Необычные формы литературной критики (Образ писателя и стихотворения об А.П. Чехове в начале XX века // Критика и ее исследователь. – Казань, 2003.
2. Кибиров Тимур. Стихи. – М.: Время, 2005.
3. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2005.